

18+

Владимир Владимирович
Мерссир

Протокол круга

Владимир Мерссир

Протокол круга

«Издательские решения»

Мерссир В. В.

Протокол круга / В. В. Мерссир — «Издательские решения»,

Все изложенные в произведении события являются плодом воображения автора. Любое их совпадение с реальными местами, людьми, организациями — абсолютно случайно. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава №1	6
Тёмные мысли о светлом	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Протокол круга

Владимир Владимирович Мерссир

Дизайнер обложки Владимир Владимирович Мерссир

© Владимир Владимирович Мерссир, 2026

© Владимир Владимирович Мерссир, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-2480-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава №1

Тёмные мысли о светлом

По лестнице спускался мужчина, и каждый его шаг отдавался глухим эхом, будто сама тьма жадно глотала звук. С каждым шагом тело становилось легче — словно гравитация понемногу отпускала хватку, — но это была лишь физическая свобода. Душу же сковывало что-то древнее и холодное, будто само пространство знало, куда он идёт, и заранее торжествовало.

В руке он сжимал чёрную книжку из тёмно-красной кожи — редкой даже для этой планеты. Натуральная отделка казалась почти живой на ощупь: едва заметная дрожь пробегала по швам, словно внутри перекачивались крошечные кости. Он не хотел об этом думать — и всё равно думал.

Спуск всегда был иным: то ступени будто удлинялись, растягиваясь в бесконечность, то воздух становился гуще, наливался тяжестью, как застывающий мёд. Раз на раз не приходилось. Но теперь он брал с собой только самое необходимое — не из практичности, а из обречённости: он знал, что назад, скорее всего, не вернётся.

За его плечом висела походная сумка, купленная ещё в юности. За годы её службы в ней перебивало что угодно: карты забытых миров, осколки чужих клятв, сухие травы, призванные отгонять черных сук... Сегодня в ней лежало то, без чего встреча была невозможна. И то, что могло его усыпить.

Он остановился на середине пролёта, когда воздух вдруг стал пахнуть озоном и старым пеплом — так пахнет место, где недавно умерла надежда. На мгновение ему показалось, что по ступеням выше скользнуло что-то длинное и бескостное, но он не обернулся. Не потому что был смел — а потому что знал: если увидишь, уже не сможешь забыть.

И он снова шагнул вниз. Туда, где тьма ждала его не как враг, а как старый знакомый, который давно назначил эту встречу.

Мужчина поправил сумку резким движением плеча — ремень дёрнулся, будто пытался удержать его наверху, не пустить дальше. Он посмотрел на свечу, которая горела вечно: пламя не колебалось, не тянулось к сквозняку, не мерцало — оно просто было, как нечто, что существовало вне времени. Позади, на стене, темнели символы — грубо вырубленные, будто выбитые в камне чьей-то отчаянной рукой. Они имели свойство держать тьму внизу, но мужчина знал: эти знаки не столько сдерживали, сколько договаривались с ней. И договор этот с каждым спуском становился всё хрупче.

Он выдохнул — и этот выдох прозвучал слишком громко в звенящей тишине, словно он сам нарушил какое-то негласное правило. Потом снова шагнул вниз, всё глубже во тьму, и ступени под ногами будто становились мягче, словно уже не камень, а что-то живое, принимающее его шаг.

Его раздирали мысли о том, что сегодня опять придётся много писать — выводить буквы, которые, возможно, станут последним, что он оставит после себя. И вести разговор, в котором каждое слово будет взвешиваться не собеседником, а самой тьмой. Он не боялся слов — он боялся того, что они могут пробудить.

На каждой ступени были выбиты знаки и элементы — будто впечатанные в камень веками, намертво, с упрямой настойчивостью. Они имели долгую прописку в этом месте и словно сопротивлялись любому движению вниз: казалось, сами линии тянулись к ногам, цеплялись за подошвы, не желая, чтобы тьма покидала эту глубину.

Обречённый посмотрел вверх. Там, в высоте, ещё держался свет — тонкая, почти прозрачная полоска, как след от лезвия на чёрном небе. Но с каждым его шагом вниз этот свет терялся во тьме, растворялся, как крик в вакууме. И он чувствовал, что сам исчезает так же — не сразу, не резко, а по частям, будто ступени забирали у него по одному воспоминанию, по одной черте, пока от него не останется только имя, да и то стёртое краем тени.

На одной из ступеней была выбита форма существа, которое почти невозможно представить в реальной жизни. Оно напоминало бабочку, вырвавшуюся из кокона, но в изгибах крыльев и тонких прожилках сквозило что-то чудовищное: линии сплетались в узоры, от которых холодело в груди, а взгляд будто соскальзывал, отказываясь фиксировать детали. Казалось, этот рельеф не просто изображал существо — он хранил его шёпот, его дыхание, его голод.

Обречённый облокотился о стену, чувствуя, как камень под ладонью едва заметно вибрирует, будто отзывается на его усталость. Опускаться во тьму было не так легко, как гласила старая поговорка. Это было сродни попытке шагнуть в собственное забытие.

Он вытащил бутылку с водой и лимоном — она была ледяной, запотевшей, будто только что вынутой из вечной мерзлоты. И как только он открыл её, вкус начал меняться. Вода подстраивалась под его память: если он хотел сладкого — она становилась сладкой; если в мыслях всплывало вино, которое он пробовал однажды на берегу чужого моря, — она превращалась в это вино, до последней узнаваемой ноты. Любой напиток, что когда-либо касался его языка, мог ожить в этой бутылке.

Сейчас вкус был водой — но не простой. В нём чувствовалась тяжесть глубины, привкус камня и едва уловимый холодок, будто в жидкость капнули тьму. Он сделал ещё один глоток и понял: вода не просто исполняла желания. Она спрашивала, чего он хочет на самом деле. И от этого становилось страшнее, чем от любых знаков на ступенях.

Чем ниже он спускался, тем ярче разгорался свет свечей там, внизу — словно тьма не могла его погасить, а только раздувала, как угли. Это была Ступень Знаний — место, где знание не дарило свободу, а становилось цепью. И там, в центре, сидело Оно.

Усталый, с ногами, налитыми свинцом, он продолжал спускаться. Каждый шаг отзывался в груди глухим эхом, будто сама лестница считала, сколько ему осталось. Он уже видел собеседника — силуэт. Тот был обречён так же, как и он: не проклятием, не приговором, а самим своим знанием, которое невозможно было ни отдать, ни забыть.

Последние шаги дались тяжелее всего — и, возможно, были последними. Он остановился на последней площадке лестницы, где воздух стал густым, почти осязаемым, будто состоял не из молекул, а из тишины. Здесь всё было размечено: чёткие метки на полу, линии, за которые нельзя переступить. А вдоль них — соль, насыпанная в огромную чашу, которая выглядела древней, словно её выточили ещё до того, как люди научились строить города.

На чаше стояла чашка, покрытая гравировкой: знаки сплетались в узоры, от которых рябило в глазах, если смотреть слишком долго. Они не просто украшали — они удерживали, запечатывали, диктовали правила. Вокруг чаши горели свечи, и их свет не рассеивался, а держался плотным куполом, не пуская тьму внутрь и не выпуская то, что было внутри, наружу.

Вокруг места, где сидел собеседник, свечи стояли кругом, образуя границу. От них к центру тянулись колонны, похожие на решётки, — не из металла, а будто из застывшего света и тени. Они ограждали черноту от тьмы, а тьму от света, удерживая равновесие на волоске. Казалось, достаточно одного неверного слова, одного лишнего движения — и эта хрупкая перегородка рухнет, выпустив то, что дремало в центре.

Уставший осмотрел собеседника — как и каждый раз, будто надеялся, что сегодня всё будет иначе, что взгляд зацепится за что-то простое, человеческое. Но она оставалась многогранной фигурой — углы её облика не сглаживались от повторений, и привыкнуть к такой личности было невозможно: она менялась не от настроения, а от самой ткани места, будто пространство подрисовывало к ней новые грани.

Сегодня она играла с игрушками. В её тонких пальцах лежали крошечные фигурки людей — сделанные так, что казались живыми, только уменьшенными до кукольного масштаба. Они двигались, шептались, спорили между собой, тянулись к ней, будто искали защиты или, наоборот, пытались что-то выторговать. От этого зрелища по спине бежали мурашки: не от

самой странности, а от того, как обыденно она с ними обращалась — словно держала в руках не судьбы, а бусины для перебирания.

Он прошёл к центру площадки, туда, где стоял маленький круглый столик — тот самый, который он когда-то принёс сюда и собрал сам, деталь за деталью, будто возводил собственный островок порядка посреди хаоса. На столе, как всегда, горела большая свеча: её пламя ровно очерчивало границы круга, не давая тьме подступить вплотную. Рядом стояло старое кожаное кресло — с потёртыми ножками, с чуть расшатанным механизмом, позволявшим немного откинуться назад, чтобы хоть на миг притвориться, что можно отдохнуть. Иногда этого хватало, чтобы не упасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.